

Виктор ДМИТРИЕВ

ПРЕДЕЛЫ ФИЛОЛОГИИ

Заметки на полях

Вообще-то, многоуважаемый читатель, первоначальный замысел того, что вы собираетесь (если, конечно, собираетесь) прочесть, был совсем другой. Уж очень захотелось мне написать рецензию, ибо книга Александра Кораблева «Пределы филологии» (2008 г.) очень мне понравилась. Ну так вот. Начал я писать рецензию и понял, что очень важное место в книге занимает глава «О религиозности и научности филологического знания». Манера работы у меня такая: выписываю все ключевые (на мой, разумеется, взгляд) предложения и на каждое пишу «рецензию», ну, прямо-таки эссе пишу. Вот сижу, выписываю ключевые предложения и думаю: а не много ли таких ключевых предложений у меня набирается? Чувствую, что я уже больше похожу на Дарью-ключницу, обвешанную ключами от барского дома. Когда обвесился так, что и передника уже стало не видно (а ведь речь идет только о главе «О религиозности и научности филологического знания»), начал писать свои «эссе», то есть приступил к процедуре обхода тех «комнат», к каждой из которых большой или маленький ключ покачивался у меня на поясе. Начинаю писать свои эссе и думаю: а не слишком ли большие эссе у меня получаются? Кораблев пишет «густо», мыслей у него в каждой главе предостаточно, и все интересные, сразу видно, что человек талантливый, глубокий, но ведь рецензия — не собрание сочине-

Дмитриев Виктор — выпускник Ленинградского института театра, музыки и кинематографии. С 1981 года живет в США. В 1990 году получил докторскую степень по русской литературе от Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Преподает русский язык и литературу в Государственном университете штата Оклахома (Стилвотер). Автор трех книг по русской литературе — «Серебряный гость» (США), «поЭТИКА» (Россия); «Символ» (Польша).

ний, а нечто гораздо более короткое. Когда я спросил у редактора о предельно допустимом объеме, мне стало страшно... Но главные страхи были впереди...

Отлично помню: я же сел за стол под впечатлением от книги в целом. И, конечно же, собирался написать не просто хвалебную, а прямо-таки восторженную рецензию. Однако где-то в середине моих эссе вдруг вижу, что рецензия получается какой-то нехвалебной... А потом вижу, что даже уж не просто не хвалебной, а какой-то даже уж чуть ли не ругательной...

Бросил я писать свое собрание сочинений и стал читать книгу опять. И успокоился. Она продолжала мне очень нравиться, но и труд свой я бросать не хотел. И решил, что вместо рецензии я напишу *статью*. И дам ей подзаголовок «Заметки на полях», так что вместо собрания сочинений читатель будет иметь дело с собранием заметок. И речь в этом собрании идет только об одной главе, которая важна для меня не взглядами А. Кораблева (они лишь повод к этим заметкам), а тем, что творится в филологии безотносительно к Кораблеву... Глава «О религиозности...» написана блестяще, все выражено с предельной ясностью, с очень интересной, можно сказать, исчерпывающей аргументацией, с привлечением всех участвующих в конфликте сторон, так что с точки зрения «диалогичности» (как теперь это принято называть) придаться не к чему... Все оказались выслушаны, всем дана возможность выступить, все позиции четко очерчены, уважительность к каждому упоминаемому автору — предельная... Вот черта, которой явно не хватает автору этих заметок. Кораблев удивительно этичен, никого не хочет обидеть, избегает всяких острых выражений и чреватых конфликтом ситуаций. Но это не мешает ему быть прямым и недвусмысленным, хотя...

К этому «хотя» мы вернемся в послесловии к этим заметкам... Этим «хотя» многое объясняется, о чем, впрочем, говорить еще рано. Дождемся послесловия...

Глава «О религиозности и научности филологического знания» начинается следующими словами: «Способность филологии быть более чем наукой не может не вызывать двойственного отношения, что и выразилось в примечательной полемике двух видных филологов: Сергея Георгиевича Бочарова и Валентина Семеновича Непомнящего». (20)

Что тут называется «двойственным отношением»? Отношение разных групп, разных лиц, или отношение внутри отношения, то есть — двойственность какого-то *одного* отношения, его *раздвоенность*? Если речь идет о последнем, то понять такое отношение очень просто: для всякого талантливого ученого его наука есть нечто большее, чем наука. Для Ньютона или Эйнштейна физика была гораздо больше, чем физика, это была сама их жизнь, форма их духовного бытия в этом мире... Мы хотим сказать, что любая наука обладает способностью быть чем-то бесконечно большим, чем наука для тех, кто призван этой науке служить не силою внешних обстоятельств, а силой таланта... Речь у Кораблева о другом: о стремлении *самой* филологии (филологии *для себя*) быть чем-то бóльшим, чем наука. Кораблев говорит о том, что у филологии появилась тенденция стать «религиозной филологией». Определение это дали новой филологии С. Бочаров и А. Хоц.

Кораблев: «Суть и «небезобидность» этой филологии видится ему (С. Бочарову? — В. Д.) в изменении фундаментальных соотношений между религиозным и научным основаниями: «религиозная филология» открыто и «демонстративно» утверждает верховенство религии и над искусством, и над наукой об искусстве». (20)

Так это только «видится» Бочарову или так и есть? Позиция Бочарова уточняется: «Отстаивая свободу творчества — и художника, и ученого — «от религии, но не от Бога», С. Бочаров высказывает предположение, что, быть может, именно в таком в свободном *вопросании* о «мире Божьем», в проблематичном, нерешенном, историческом состоянии, каким является искусство, и выражается его религиозное предназначение». (22)

Уточним свою позицию по отношению к позиции Бочарова и мы. Сначала Бочаров довольно резко выступает против новой тенденции подчинить искусство религии, выступает против «религиозной филологии». Но вот мы видим, что и он боится выступить *резко* против попыток такого религиозного «захвата». Вдруг звучит это компромиссное «от религии, но не от Бога» (цитата из С. Булгакова). Если «от религии», значит, и «от Бога». К чему все эти эвфемизмы, свидетельствующие о страхе ученого перед «религией»? Именно как филолог Бочаров должен чувствовать фальшивость самого выражения «религия» по отношению к *вере*. «Религия» это вера вообще, вера в Христа, в Перуна, в Аллаха... Истинно верующий человек остро чувствует, что этот термин превращает сам факт веры в одно из звеньев идеологической структуры, в этом термине именно «Бог» отчуждается от Своей собственной «божественности». Термин «религиозная философия» такой же абсурд, как и термин «религиозная филология». В системе научного знания, в пределах его координатной сетки (в данном случае — в системе литературно-лингвистических понятий), такие понятия, как «религия», «вера», «Бог», являются объектом познания. И в таком подходе нет никакого оскорбления ни «религии», ни «вере», ни «Богу» точно так же, как нет никакого оскорбления вере в физической теории, отрицающей сотворение мира, или утверждающей, что земля гораздо старше семи тысяч лет... Но термин «религиозная философия» или «религиозная филология» совсем другое дело. Тут «религия» выступает не в роли объекта познания, а в роли инструмента познания; *методически* важного понятия. Не говорим же мы «религиозная математика» или «религиозная физика». Анализ Туринской паланицы производится не посредством религиозной химии (или физики), а посредством *просто* химии... Нет и не может быть религиозной филологии. И очень жаль, что Бочаров, решительно выступивший против такого рода аберрации, вдруг испугался собственной последовательности, испугался сказать, что филология — это наука, которой очень *опасно* декларировать свою связь с именем Божьим, ибо в этой связи начинают играть роль настроения, основанные не на формально-логических доводах, а на эмоциях с политико-идеологической подоплекой.

Истинно верующий человек отлично понимает, что если Бог есть *именно то*, чем Его мыслит крупная и талантливая (т. е. не суетная) душа, то Он совершенно спокойно отнесется к тому, что Имя Его не поминается всуе, не используется в качестве еще одной псевдоинтеллектуальной затычки в научных

спорах. Что же касается тех, кто не стесняется поминать имя Божие всуе, такого рода обстоятельство более чем желанно в свете собственных суетных настроений...

Кораблев — умный, талантливый исследователь — боится «обидеть» новое войско идеологов, готовых растоптать искусство во имя «веры». Пытаясь защитить точку зрения Бочарова, он цитирует его мысль о «религиозном предназначении искусства».

Придание искусству «религиозного предназначения» дело зрителя, читателя, слушателя, а не художника (конечно, если он не иконописец. Тут ситуация другая). В. Брюсов в свое время говорил о том, что незачем привязывать искусство то к колеснице политики, то философии, то религии, он говорил, что искусству надо дать свободу. Он был тысячу раз прав, но был бы еще правее, если бы выразился несколько иначе: предоставьте свободу *читателю*, не суйте ему в нос свою религиозность, оставьте его в покое. Пусть *он сам* решает, что ему ближе и дороже... Художник, следуй своим путем, всматривайся в человека, вдумывайся в него, восхищайся или огорчайся им, и щедро делись с нами своими переживаниями. Все остальное приложится само собой. На Бога надейся, а сам не плошай... Помни, что ты сам — сын Божий, тебе предоставлена свобода быть самим собой, и эта *самость* — самое лучшее, чем ты можешь поделиться с людьми. Про Бога люди все знают и без тебя, а о тебе они узнают через твоё искусство... Ты хочешь, чтобы они знали, какой ты хороший христианин? Ну что же, дерзай! Художник свободен. Только на другой манер, нежели ученый. Ученый не имеет права свое вероисповедание использовать в качестве безоговорочного логического аргумента. Если с оговорками, то пожалуй-ста. Неужели семьдесят лет большевизма нас так ничему и не научили? Разве не видно, как в своей книге бедный профессор Кораблев старается спрятать свой тонкий и острый интеллект за долгими дипломатическими реверансами кому?.. — Христианам от большевизма!

Кораблев замечательно тонко возражает В. Непомнящему на его утверждение, будто русская классическая литература это «духовный феномен», притом особенный — «безусловно стоящий особняком в литературе мировой... и, стало быть, требующий соответствующего отношения». (22)

Вот возражение Кораблева: «Если кто-то попытается возразить, что духовна и феноменальна всякая литература, различаясь лишь степенью духовности и качеством феноменальности, то ему через пару строк будет сказано, что подход к литературе «*вообще*» является «узкофилологическим»..., а вовсе не наоборот, как можно было бы подумать». (22)

А. Кораблев обращает внимание на очень любопытный факт: «Определение «религиозная филология» В. Непомнящему представляется неудачным, не отвечающим сути, а сопоставление ее с религиозной философией — «произвольным» и «поверхностным», основанным лишь на внешнем созвучии». (22)

Дело в том, что термин «религиозная филология» и нам представляется «неудачным». Но сначала немного о термине «религиозная философия». С нашей точки зрения так называемая религиозная философия — самый настоящий гностицизм. Если признать, что философия *не наука*, а один из видов медитативной практики, то «религиозная философия» — типичная религиозная медита-

ция (религиозная метафизика). И в этом случае Н. Бердяева, например, уж никак не назовешь «религиозным философом», потому что философичности в нем гораздо больше, чем религиозности, чему свидетельство — подчас довольно острое неприятие его «медитаций» православной общественностью. Европейцы и американцы воспринимали Бердяева гораздо лучше, чем ортодоксы, быть может, именно потому, что наш «религиозный философ» был просто философом, любившим рассуждать на религиозные темы, что очень типично для протестанствующих религий, таких, как англиканизм, епископалы и т. д., когда пастор, например, обсуждая и политические, и бытовые, и финансовые проблемы, часто приводит в пример себя, часто держит руки в карманах, может надеть красивый костюм, а может надеть и ковбойку, красивое платье, или брюки с блузкой (если пастор — женщина). При этом *очень заметно*, что церковь как-то *незаметно* превращается в театр одного актера. Религиозная философия, одним словом, или противоречие в определении, или есть нечто иное, а именно — философствование о религиозном... Что же касается именно *философии*, то таковая, обнимая собою проблемы бытия, обнимает, таким образом, все, что необъятно, а это значит — и религию в том числе... Термин «религиозная философия» и тут «не работает»...

Но таковы *наши* рассуждения, а какова логика Непомнящего? Согласно А. Кораблеву, по Непомнящему «предмет религиозной философии — Божественное слово, тогда как филология, даже названная религиозной, имеет дело с «человеческим» словом. Поэтому их цели не могут не быть противоположными...» (22)

Уж если В. Непомнящий так религиозен, как ему кажется (или как ему хочется, чтобы казалось другим), то он должен был начисто отречься от термина «религиозная философия», как явно оппортунистического по отношению к «религии». Ведь очевидно же, что предметом «религиозной философии» является не только «божественное слово», но и слово «человеческое», то есть *язык*, который еще нужно *примирить* со словом божественным. Каждый философ понимает, что тут не все идеально гладко, что язык сопротивляется божественному слову самой своей житейской субстанцией, направленностью не только на сакральное, но и на бытовое, повседневное, на узко практические задачи. Философ отлично понимает, что нельзя быть *слугой двух господ*, и старается склонить человека к мысли, что и в бытовом надо прозревать божественное. Другое дело, что способ медитации не самое лучшее средство убеждения. Во-первых, сначала надо убедить себя, а уже потом другого, но с переходом к *другому* процесс медитации бесконечно усложняется, если не признаться в другом: просто обрывается... А если говорить совсем честно, то — веришь, пока медитируешь. Тут проблема. Непомнящий совершенно прав, что филология имеет дело с человеческим, а не с божественным словом. Но, во-первых, и религиозная философия тоже (с чем Непомнящий никогда не согласится), а поэтому его попытка «столкнуть лбами» и ту и другую в пользу «религиозной философии» обречена на провал...

А. Кораблев продолжает знакомить нас с точкой зрения Непомнящего: «...если религиозная философия стремилась «уберечь священное Слово от секуляризации», то «религиозная филология», если признать ее существование, должна,

наоборот, «сакрализовать человеческое (поэтическое) слово», чему В. Непомнящий не находит иного обозначения, кроме как «ахинейя»...» (22)

Выражение, конечно, грубое, но справедливое. В. Непомнящему его можно простить по той причине, что этой грубостью он старается извинить свою маленькую измену «вере», признав правомерность существования «религиозной философии», то есть попытки интеллектуального тестирования веры, что с точки зрения любого верующего человека (и особенно Церкви) есть едва ли не грех... Тут видна его внутренняя, тщательно скрываемаемая от самого себя досада на себя. Но если отвлечься от психологии, то видно же, что он прав, ибо в случае признания термина «религиозная филология», «надо будет упразднить всю филологию, оставив только «религиозную», или уже всей науке присвоить такое определение». (22-23)

На это мы бы заметили, что было бы очень хорошо, если бы Непомнящий точно такой же аргумент применил бы к понятию «религиозная философия», ну да ладно. Нас ведь, собственно, гораздо больше В. Непомнящего, волнует профессор А. Кораблев, в позиции которого нам нравится его терпимость, его мудрое спокойствие, умение владеть собой. Он говорит тихим ровным голосом и из-за ровности интонаций даже не всегда удается уловить тонкость его иронии. Но иногда удается. Вот пример: «Полагая очевидным, что русская литература — «словесность христианской нации», а христианство — это «сплошной контекст», В. Непомнящий заключает, что всякое «внеконтекстное» исследование противоположно «религиозному» и — здесь он деликатно недоговаривает, потому что следовало бы сказать: «антихристианское». (23)

Это очень характерно для Кораблева — договорить за автора и одной такой «договоркой» убить какого-нибудь *христианина* наповал... Ведь видно же — еще один шаг и «анти-христиане» (вроде С. Бочарова) будут названы «врагами народа». Не лучше ли *науке* филологии держаться подальше от «религии»? Увы, Кораблев не то что побаивается, но как-то не склонен поставить зарвавшегося «христианина» на свое место: «...в заключение полемики возникает примиряющий обе позиции образ коромысла: дело-то одно, но два конца; поэтому главное — держать равновесие...» (24)

Нам кажется, что равновесия тут нет и быть не может. Задача у науки филологии только одна и неотложная — как можно скорее отбросить коромысло как можно дальше; отмежеваться от инквизиции под сурдинку, от откладывающих в науку свои личинки представителей постсоветской мифологии, суть которой сводится к одному — выискивать *врагов истинной веры*... Бедный А. Кораблев, человек очень умный и все прекрасно понимающий, почему-то выступает в роли Феодора Иоанновича, старающегося всех примирить, все сгладить. Почему?

Прежде чем ответить на этот вопрос, безусловно и решительно согласимся с С. Бочаровым, который в споре с В. Непомнящим (и уже с Т. Касаткиной, ибо и она подключена к дискуссии) говорит следующее: «Религиозный человек иначе читает литературу, и религиозный филолог иначе ее рассматривает и исследует. На свою религиозную позицию личную филолог ссылается как на теоретический аргумент, в конечном счете, решающий; она возводится в концептуальное отличие, а если прямо сказать — в концептуальное превосходство». (24)

Может быть, было бы более уместно назвать такого филолога не «религиозным», а *прорелигиозным*. Религиозность не мешает человеку быть умным; мешает *прорелигиозность*. Истинной справедливости партия справедливости не нужна, ей нужны справедливые люди. Стоит основать партию справедливости, как справедливости придет конец, потому что у каждой партии есть тенденция тут же, по своему основанию, превратиться в *пропартию*.

Необыкновенно интересно то, что рассказывает Кораблев о взглядах Касаткиной, согласно которым «...возможна и «плюс-научность», которая не только допускает, но и предполагает восполнение научного знания иным, религиозным — таковой, по мнению исследовательницы, и должна быть «научность» гуманитарных наук». (25)

Разве не видно, что Т. Касаткина насквозь проникнута *идеологизмом*?.. И кому ж неизвестна эта болезнь, от которой бедная Россия чуть не померла в расцвете лет?..

Пересказывая теорию Т. Касаткиной, А. Кораблев почему-то воздерживается от анализа, видимо, боясь рассердить «новых идеологов». *Мы не боимся*, мы проделаем эту черную работу за А. Кораблева, хотя и не верим в успех операции, ибо, как говорил один известный американский режиссер, когда на его фильмы перестали ходить: если зритель перестал ходить на твои фильмы, его уже ничто не остановит. Если тоска по новой мировой идеологии одолевает тоскующих, их ничто не остановит в навязывании своей идеологии.

Почему-то, приводя совершенно абсурдные высказывания Т. Касаткиной, А. Кораблев боится назвать эти высказывания единственно достойным их именем — белиберда... Вот что он пишет об этих рассуждениях: «Т. Касаткина пытается выяснить, что именно раздражает приверженцев чистой науки, и называет два момента: повышенная концептуальность и всеохватность концепции. Которые можно свести к одному: постижение целостности, выраженное в любой своей частности...» (25)

По этому случаю он имел полное право привести всем известный стишок, бытовавший в советском фольклоре:

Прошла зима, настало лето;
Спасибо Партии за это...

Все прямо по Касаткиной: что ни возьми, везде видна рука Партии. *Всеохватность концепции* налицо...

Вместо вполне уместной иронии, по случаю очевидной глупости высказываний, А. Кораблевым дается длинное «успокоительное» рассуждение: «И по этой логике, действительно, выходит, что современная научность и религиозное мышление несовместимы, во всяком случае, разнонаправленны: принцип современной научности — собирание в бесконечность, принцип религиозного мышления — целостность в вечности. Свою деятельность современная научность осознает как путь, как бесконечное движение; религиозное мышление — как движение к цели, к центру, откуда открывается целостная картина мироздания». (25)

«Собирание в бесконечность» нам не очень понятно; может, это означает «сопротивление бесконечности» в пользу конечного, определимого?.. Не очень

понятна и «целостность в вечности», как «принцип религиозного мышления». Это что, про веру в загробную жизнь? В воскресение мертвых и так далее?... Пусть будет так.

Но очевидно же, что вера в Бога требует именно веры; требует определенного душевного настроя, то есть речь идет именно о вере *в силу душевного настроя*. Наука же требует веры в логически доказуемое сцепление фактов. Даже если утверждается, что логика такое-то и такое-то сцепление фактов не может описать, что тут лучше логику обойти, используя, например, статистические методы, то под это, тем не менее, наукой подводится все то же логическое обоснование. Религия в таком обосновании не нуждается, а кто его требует, того объявляет еретиком... Знаменитый еретик в науке, всем известный шарлатан Лысенко, был типичным религиозным фанатиком, каковым были и его высокие партийные покровители... Пример никого ничему не обучающий, но Т. Касаткиной было бы не лишне с таковым ознакомиться...

Произнесено слово «целостность», и видно, что Кораблев робок по отношению к Касаткиной не из уважения к ее идеям, а из уважения к идеям М. Гишмана. Но ведь эффект, в любом случае, получается не в пользу А. Кораблева, из чего мы и заключаем о его мужестве стоять за своих учителей, даже заведомо зная, что при этом можно быть ложно понятым... Очень хочется нам сказать, что с ретроградством Т. Касаткиной идеи М. Гишмана ничего общего не имеют, но сказать этого, увы, нельзя. Что М. Гишман значительней Т. Касаткиной, это очевидно; но что нам делать с его высказываниями, которые приводит А. Кораблев, и через которые нам становится понятной его позиция *примирителя, миротворца*, его топтание на стороне и С. Бочарова и В. Непомнящего одновременно при обилии тонких иронических замечаний, как бы невзначай перечеркивающих и В. Непомнящего и Т. Касаткину одновременно?..

«...именно в Донецке стали высказываться мысли об особой миссии филологии и центральном ее местоположении среди других форм знания: «Филология... должна выйти за границы своих сугубо научных целей. Филология, иначе говоря, должна вспомнить, что она не совсем «наука», что она — «любовь»» (30-31)

Здесь Кораблев цитирует самого себя, и у нас к нему немедленно возник вопрос: но если филология «не совсем наука», то, получается, что и филолог — не совсем ученый. А? А вот еще одна цитата, но уже из В. Федорова: «Подобно тому как Слово — внутренняя форма, например, растительной жизни, так и филология — внутренняя форма биологии — науки, непосредственным предметом которой является растительная жизнь (в частности, конечно) и ее закономерности. Биологическое знание, таким образом, — иноформа филологического, знание природных закономерностей — иноформа знания Слова. Филология — внутренняя форма, единая для всех наук (не исключая и их «царицы» — математики), точнее, всех форм знания вообще». (31)

Поди возрази что-нибудь, если происходит прямая и откровенная апелляция к Богу. Это все-равно, что Лаврентию Палычу пожаловаться на Иосифа Виссарионовича. Как тут скажешь, что *Слово* в Евангелии от Иоанна не было словом как мы его понимаем? Что оно было телесным выражением Бога, а посему представляет собой сплошную для всех загадку, в то время, как фило-

логия — наука о языке, а не о Боге, и ничего загадочного в филологии нет. Кораблев приводит цитаты из А. Панича, который резко критически отозвался о позиции Федорова. Правда, тут же говорится, что Панич высоко отозвался об аналитических работах Федорова, но никто не отрицает, что Федоров талантливый литературовед, речь идет о конкретной его теории, в которой чистая теология буквально вклинивается в филологию, выживая таковую из ее родного дома... В свидетели «Иеговы» приводится еще целый ряд научных имен, после чего говорится следующее: «Стало быть, сомнительной, если прилагать научные критерии, представляется не сама наука, которой занимается Федоров, а выход за ее пределы, который он себе позволяет. И даже не сам выход, а его осознанность — принципиальная и методологически утверждаемая». (32)

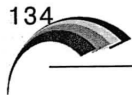
Первый раз встречаем кораблевскую фразу, в которой ничего понять невозможно! «Не сама наука», а методологически «утверждаемый выход за ее пределы»... Значит, все-таки, *сама наука*, если, конечно, речь идет о методологии именно данной науки. Но, кажется, речь идет о какой-то другой методологии, ибо несколько ниже читаем: «Соответствие предмета и метода — это общее и необходимое условие существования науки, но в отношении филологии оно не может не быть вполне удовлетворено, поскольку ее предмет требует от познающего намного большего, чем может дать методология». (34)

Это уже какая-то «сверхнаука», нечто вроде мраксизма-ленинизма (просьба к редактору — опечатку не исправлять!)... Но даже если это и так, то у царских врат этой науки стоит свой непререкаемый авторитет: «М. Гиршман возражает только против исключительности филологии, но не против «сверхнаучности» как таковой...» (32)

Ну что будешь делать, когда целый сонм авторитетов защищает наши сверхнаучные идеи от сверхнауке!.. Зато теперь мне стало понятным, почему в работах В. Федорова так много раз попадает слово «онтология»... Это синоним понятия «сверхнаука».

«Филология, если она стремится быть адекватной своему предмету — слову во всех его проявлениях и возможностях, должна, стало быть, обладать не только свойствами научности, т. е. фиксированной смысловой определенности, но также свойствами художественности и религиозности, т. е. онтологически постигаемой определенности». (36)

Вместо «онтологически» следует читать «сверхнаучно». А еще лучше — «сверхнаучно сверхпостигаемой сверхопределенности». Одним словом, нет ничего удивительного в том, что А. Кораблев, в споре между Непомнящим-Касаткиной и С. Бочаровым, принимает сторону первых, а не последнего. Бочаров, видимо, из чисто дипломатической корректности упомянул о несвободе филологии от Бога, что мы охотно ему прощаем в силу твердой его убежденности в известного рода *кошмарности* надвигающегося про-религиозного ужаса... Бочаров прямо и недвусмысленно (вопреки оговорке, которую мы с удовольствием прощаем ему уже дважды) говорит о про-религиозности Касаткиной-Непомнящего как о «концептуальном отличии» от «нормальной» филологии. Кораблев же этого не слышит: «Спор затрагивает, иначе говоря, вопрос о правомерности иерархических отношений между научностью и религиозностью в пределах филологии... Ясно же, что «религиозность» — это как бы «верх»

здания (крыша, купол, шпиль), а научность — его «низ» (фундамент, основание), но тогда стоит ли спорить, какая из этих частей важнее?» (39-40)

Как это — «ясно»? Ничего не «ясно»... Ясно, что тут (перешучивая Ленина) происходит протаскивание «мраксизма», теории о базисе и надстройке, только под базисом имеется в виду филология, а под надстройкой религия... На наш давно назревший вопрос: и куда же мы все катимся с такого рода проблематикой? следует давно созревший ответ: «...если филология пытается разрешить кардинальные вопросы философии, а философия, в свою очередь, обращается к филологической проблематике, к языку, не означает ли это, что в гуманитарной сфере действительно происходят какие-то интеграционные процессы и метаморфозы, и не признак ли это становления существенно новой культурно-исторической парадигмы?» (40)

Существенно старой, а не существенно новой; и не «культурно», а бескультурно-исторической парадигмы... Одним словом: ученые всех наук — соединяйтесь.

На месте ученых я бы с исполнением призыва не торопился, ибо чуть ниже следует уточнение:

«Современная филология, разделенная на множество направлений, школ, конфессий и т. п., — ищет — таков, по-видимому, смысл возникающих методологических споров — надежное основание для утверждения и осознания своей целостности». (40)

Обратим внимание на слово «конфессий» и перейдем к обещанному словословию, к расшифровке нашего таинственного «хотя»...

Мое глубокое убеждение заключается в том, что эта глава книги не о М. Гиршмане и В. Федорове, не о С. Бочарове и В. Непомнящем, и уж тем более не о Т. Касаткиной... Вся эта глава от первого слова до последнего исключительно об Александре Александровиче Кораблеве, который своей книгой «Пределы филологии» справил совершенно потрясающий юбилей в истории русской культуры: десять лет назад была издана его книга «Темные воды «Тихого Дона». Собственно, с этой книги и началось мое знакомство с научным творчеством А. Кораблева. Я был так потрясен этим его сочинением, что попросил автора прислать мне решительно все, им написанное. Прислано было все, кроме книг о М. Булгакове, ибо автор сейчас эти книги перерабатывает... В добрый час. Дай Бог (только не бог от новой филологии, а *настоящий*), чтобы они были написаны с таким же блеском и глубиной, как и «Темные воды...»...

Мне кажется, что глава «О религиозности и научности филологического знания» чисто бессознательно написана в защиту «Темных вод...». Насколько мне известно, у читателей вызвало возражение то обстоятельство, что к исследованию проблемы авторства «Тихого Дона» была привлечена «нечистая сила», если под таковой иметь в виду женщину-экстрасенса, помогавшую ученому в его изысканиях.

Дело в том, что к работе экстрасенсов тут, в Америке, отношение у людей довольно спокойное. Все уже привыкли, что эти люди, например, помогают раскрывать преступления. У нас, в нашем университетском городке, живет женщина, средний заработок которой примерно 80 тысяч долларов в год. Она помогает

полиции. О ней знают, но ее не знают, поскольку полиция остерегается за ее жизнь... И когда А. Кораблев прибегает к помощи своей партнерши, вместо того, чтобы проводить время (жутко дорогостоящее в силу современной экономической ситуации) в архивах, то мне кажется, что это совершенно естественно. Сам Кораблев, при этом, проделал большую работу. Ведь видно же, что он переработал огромную литературу, приводит страшно интересные факты, знает эпоху. Он дал психологически глубокий и убедительный портрет знаменитого писателя... Он без всякого экстрасенса убедил нас в том, что другой писатель, которому приписывалось авторство «Тихого Дона», просто не мог написать этой вещи в силу самой природы его дарования. Экстрасенс? Ну а то как же, конечно! И очень часто она водила своей рамкой по листу бумаги, но это было выполнение вполне конкретных заданий, обусловленных серьезной подготовительной работой...

Один из моих любимых учителей в нашем Институте театра, музыки и кинематографии, Лев Осипович Гительман, любил говорить: ваша научная работа должна читаться как детектив. И когда, уже в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса я услышал от молодого профессора, что наши научные работы должны быть занудными, скучными, детальными, дотошными, мне ужасно хотелось сказать ей: да что вы! А Лев Осипович говорил... Но, конечно же, я никогда ничего не говорил, чтобы не создавать сложностей... Дотошность исследования не означает тошнотворной скукоты... Книгу Кораблева «Темные воды «Тихого Дона» я читал запоем. В ней психологизм, историзм, биографизм, литературный анализ, тонкий юмор и вечно свежая ирония, плюс эта совершенно замечательная женщина, с которой мне и самому-то захотелось познакомиться, все это говорило о великом таланте автора. Теперь мы смело можем сказать, что Александр Кораблев поднял самую настоящую целину...

Что оказалось? Оказалось, что Михаил Шолохов совсем не был таким бездарным, как мы любили его себе *представлять*. И вот надо же: я ведь сам думал так, вопреки собственному эстетическому опыту. Молодым человеком я раза два пытался осилить «Тихий Дон», но так и не смог. Мне всегда казалось, что это совсем не того ранга произведение, за которое его выдают. А вот «Поднятая целина», да извинит меня мой интеллигентный читатель, мне (молодому человеку, потом я уже роман не перечитывал) очень нравилась. И «Судьба человека», помню, очень меня разволновала... Читаю Кораблева, и, хотя он придерживается *не моей* точки зрения, но объективный и тонко сконструированный рассказ делает свое дело: я вижу перед собой человека в чем-то страшно наглавшего своим современникам и потомкам, но в то же самое время и очень умного, талантливого, с искрой божией, а в ситуациях опасных даже и весьма мужественного, честного... Вижу, что любит присочинить, приукрасить себя, но — а это главное — все очень отчетливо вижу... И Сталина вижу, и Горького, и страшное это время, через которое Шолохов проходил как сквозь строй, тоже вижу... И вот когда эти рамки передвигались под воздействием неведомых энергий, я следил за их ходом, затаив дыхание... Самое сильное, что меня поразило, так это умение рамок дать цифровое выражение реакции знаменитых писателей на «Тихий Дон». Каково было мое изумление, когда я узнал, что практически все они (включая и обожаемого мною Андрея Платонова) относились к этой книге довольно спокойно...

Услышав про такой вот метод, используемый в книге проф. Кораблевым, я отнесся к этому методу однозначно: совсем с ума посходили, пифология какая-то... Но когда книгу прочел, понял, что пифология — не рамка в руках экстрасенса, а филология, пределы которой «сказочно расширяются» (выражение Кораблева) за счет фантастических теорий вроде той, которой посвящена эта статья (о том, что филология должна быть «религиозной»).

Два ложных момента лежат в основании этой теории, если говорить о А. Кораблеве, а не о тех, кто ее пропагандирует с пеной у рта. Первый заключается в том, что А. Кораблев отождествляет паранормальную практику с *религией*. Это не религия, это способ вхождения во всеобщее информационное поле, точнее — *умение входить* в это поле (в это пространство)... Новое время заключается не в том, что теперь мы должны смешать религию с наукой. Это *старое* время, это кошмар, возврат которого вполне возможен, но в виде регресса, а не прогресса. Новое время в том, что к «хронике Акаши» мы должны относиться с таким же пиететом, как и к научно-историческому архиву... Кораблев тут самый настоящий пионер, фигура, можно сказать, историческая... В своей новой книге, говоря «религия», он имеет в виду именно паранормальную практику, что и вводит читателя в заблуждение...

Второй момент заключается в ложном отождествлении Кораблевым понятия «целостности» с понятием «становление». Выражение «целостное мировоззрение» — противоречие в определении. Целостное мировоззрение невозможно по той причине, что мир пребывает в становлении, законченного целого мира не существует, так что «целостное мировоззрение» — мираж, обманчивое марево (и сам вижу, что тавтология, но менять не хочу, а потому и не буду)... Лучший вид «целостности» для мировоззрения — быть *становящимся*... Повторять (грубо говоря, «передразнивать» собою мир в его извечном движении, в динамике, в стремлении к абсолюту... Если «целостное мировоззрение» напоминает нам «абсолютное мировоззрение» (упаси боже!), то становящееся мировоззрение есть *вечная* апелляция к Абсолюту, к желанной, но заведомо недостижимой полноте... Вот вам и встреча с вечностью: не как полупоэтической, полуметафизической метафорой, а как с реальностью — недостижимой, но этически наличной реальностью...

С таким вот *мировоззрением* я «встретился» в «Темных водах...», а также в совершенно беспрецедентной по своему замыслу (теперь нашлись подражатели), изумительно талантливой по исполнению хроникой семинаров филологического факультета Донецкого университета. Это просто какое-то чудо, о котором лучше и не говорить, ибо слышу, как в руках редактора позвякивают ножницы...

Об этом хочется написать книгу. И главным героем книги будет Александр Кораблев, чье мировоззрение к моменту ее выхода переживает (в чем не сомневаюсь ни секунды) еще не один виток в своем становлении...